

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНИН

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5279-4880; irma.mulonen@mail.ru

АНГЕЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА КОНДРАТЮК

лаборант МНОЦ Nordica Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
angelinapug23@gmail.com

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТЫ СОЛОМЯНСКОГО ПОГОСТА XV ВЕКА

А н н о т а ц и я . Анализируются ойконимы одного из погостов Корельского уезда Водской пятины – Соломянского с целью локализации названных ими поселений XV века на исторической карте местности. Привлечены топонимы из исторических документов и карт XV–XX веков, а также собранные в разные годы в полевых экспедициях и хранящиеся в топонимических архивах Финляндии и Карелии. Исследование опирается, с одной стороны, на методы исторической географии (ретроспективный анализ источников разного времени и последовательное картографирование выявленных в них топонимов), с другой – на само содержание наименований поселений, в котором нередко заключена отсылка к характеристике места, позволяющей идентифицировать его расположение. В ходе анализа решались и собственно топонимические задачи: впервые проведена этимология ряда топонимов или исправлена существующая. Исследование показало значительную устойчивость как самих мест поселений, так и их названий на протяжении столетий. Оно подтвердило сделанный ранее вывод об ареальной дистрибуции ойконимных моделей и привязке названий с формантом *-la* к центральному, ядерным поселениям погоста. Реконструирован ряд традиционных карельских антропонимов, а также лексем, входивших в ономастикон и лексикон XV века. Продемонстрированы особенности передачи карельских топонимов в русское бытование. Эти результаты актуальны в контексте этнокультурной истории и языкового наследия карельского Приладожья.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ойконим, антропоним, топонимная модель, карелы, карельский язык, письменные источники, Северное Приладожье

Б л а г о д а р н о с т и . Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 125032004283-0 «Духовные традиции народов Карелии: тексты и контексты».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Муллонен И. И., Кондратюк А. А. Опыт реконструкции топонимической карты Соломянского погоста XV века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 110–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1326

ВВЕДЕНИЕ

Рождественский Соломянский погост был описан вместе с другими погостами Корельского уезда в писцовой книге Водской пятины 1499/1500 года (далее – ПКВП 1500)¹ с целью установления податного обложения. В нем перечисляются поселения и их жители – соответственно ойконимы и антропонимы. Это са-

мое раннее из сохранившихся описаний, но далеко не самое первое. В его тексте встречаются отсылки к «старому письму», конца 1470–1480-х годов, которое, в свою очередь, основывалось на фискальных списках времен независимости Великого Новгорода [4: 43]. Так что ойконимы – названия поселений, отмеченные в ПКВП 1500 года, в действительности могут иметь зна-

чительно более раннюю историю и не только сохранять память о системе номинации, но и служить источником карельского языка эпохи Средневековья. Северное Приладожье – территория, на которой на рубеже I–II тыс. н. э. происходило формирование карельского этноса. В конце XV – начале XVI века она еще не испытала мощной восточно-финской колонизации, начавшейся после вхождения в состав Шведского королевства. Соответственно, зафиксированная в это время топонимия еще не была разбавлена финскими названиями. Она, конечно, адаптирована русским языком, однако ее карельские оригиналы в целом хорошо просматриваются.

Описание Рождественского Соломянского погоста – самое короткое из всех описаний погостов Корельского уезда рубежа XV–XVI веков, хотя территориально он крупнее остальных. Однако погост был слабо заселен: практически все поселения концентрируются на узкой территории, прилегающей к побережью Ладожского озера, от устья р. Уксы до села Кондуши на границе с Обонежской пятиной. Внутри материковой территории выделяется только один участок, привязанный к озеру Суоярви. Он демонстрирует внутреннюю колонизацию из центра погоста, которая выводила на важную водную магистраль – реку Шую. Последующие – уже шведского времени – описания фиксируют появление новых поселений «на Северике» – в центре и на северной окраине земель исторического погоста и формирование в XVII веке новых Шуйстомского – Suistamo и Шуезерского – Suojärvi погостов на этих землях.

На фоне более западных карельских погостов Северного Приладожья эта территория обладала своей языковой спецификой. Здесь соприкоснулись территориально два наречия карельского языка – собственно карельское и ливвиковское. Располагаясь на границе ливвиковских земель Обонежской пятины, она практически служила их продолжением на северо-запад. На современной диалектной карте карельского языка салминский диалект – один из диалектов ливвиковского языка, близкий по всем параметрам к видлицкому. В то же время северная часть территории бывшего Соломянского погоста на диалектной карте входит в регион собственно карельских диалектов. Здесь до Второй мировой войны бытовали три собственно карельских диалекта Приграничной Карелии: Суоярви, Суйстамо и Корписелькя, демонстрирующие переходный между собственно карельским и ливвиковским наречиями характер [8: 28]. На рубеже XV–XVI веков северная материковая часть территории пого-

ста была еще практически не заселена. Ее освоение происходило позднее и отражено в фискальных описаниях шведского времени – XVII века, когда сюда происходил отток собственно карельского населения с территории смежных Сердовольского и Иломанского погостов и в меньшей степени – из Салми [13].

В статье предпринята реконструкция исторической карты Соломянского погоста периода Писцовой книги 1499/1500 года с опорой на топонимические данные. Несмотря на значительную устойчивость топонимов во времени, не все из названий пятисотлетней давности сохранились до наших дней. Для реконструкции их местоположения на карте, а также для выявления цепочки смены ойконимов в последующие века привлечены русские писцовые и шведские поземельные книги XVI–XVII веков и карты XVIII–XX веков. Активно использовались данные, хранящиеся в топонимическом архиве Финляндии и доступные благодаря электронному ресурсу Nimiarkisto (<https://nimiarkisto.fi/>). Они были собраны в рамках специальной программы в послевоенные годы от бывших жителей Салми и округа, оказавшихся в Финляндии. Основным источником материала послужил электронный ресурс «Топонимия Карелия» (сокращенно ТопКар), который создается в ИЯЛИ КарНЦ РАН на основе коллекции полевых сборов топонимов с 1970 года, а также данных письменных и архивных источников. Ресурс размещен по адресу <http://topkar.krc.karelia.ru>.

Как и многие другие исследования, основанные на топонимических данных, предложенный в статье анализ носит междисциплинарный характер. Будучи проведенным в русле исторической географии, которая сочетает пространственный и исторический подходы, он одновременно обращается к лингвистическим данным и методам. Наиболее востребованы общенаучные картографический, а также метод ретроспективного анализа, из лингвистических – комплекс методов этимологического исследования. Кроме этого, использованы некоторые частные приемы, эффективные для решения поставленной задачи. Среди них обращение к антропонимическим данным, то есть патронимам и прозвищам жителей, оставившим свой след в ойконимии, к семантике топооснов, которая может содержать указание на возможное размещение исторического поселения, к топографии местности, что естественно для картографирования. Информативным для целей исследования оказывается иногда и сам порядок описания территории в документе.

Отметим в заключение, что реконструкция поселенческой сети на территории Карелии по данным исторических источников имеет давние традиции. Некоторые ее существенные положения разработаны на материале заонежских погостов М. В. Витовым [1]. Методика была в дальнейшем применена А. Ю. Жуковым к локализации поселений других погостов Обонежской пятины, в частности Сямозерья [3]. Она получила развитие в исследовании А. А. Селина на материале южных уездов Водской пятины [10]. Наше мини-исследование на фоне этих работ отличается бóльшим вниманием к собственно топонимическим фактам и выходом через расшифровку их содержания на отражение языковой и историко-культурной ситуации пятисотлетней давности в регионе.

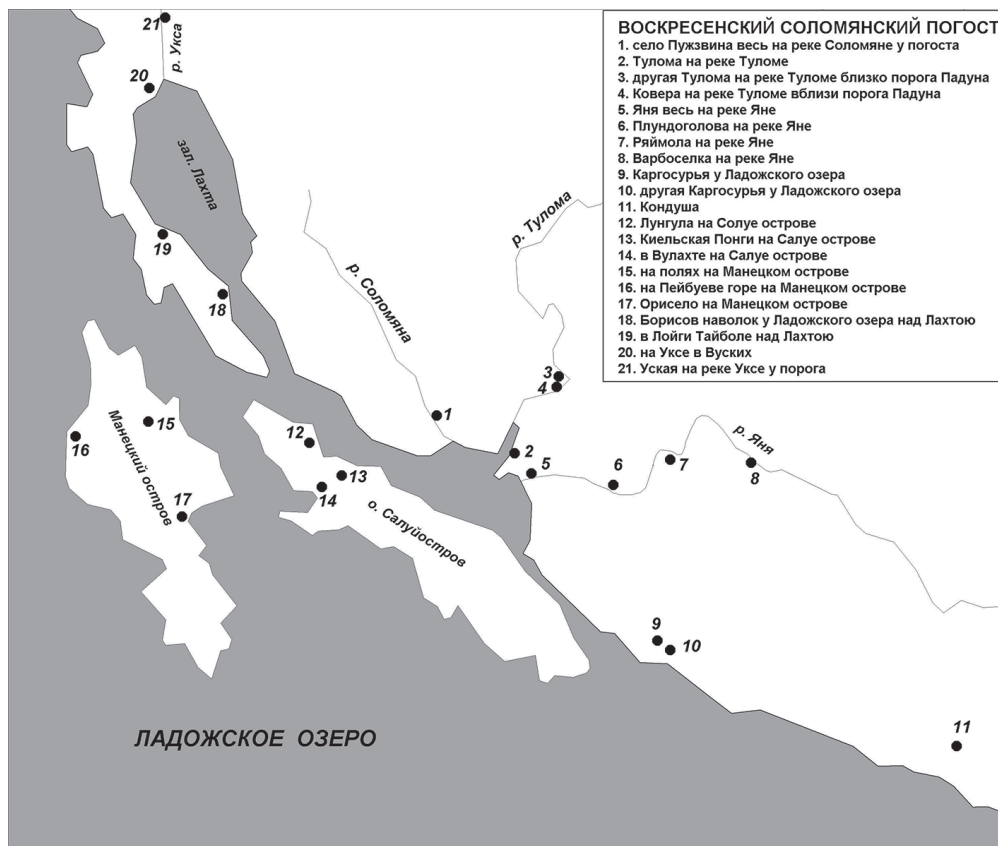
АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

Погост-место и его окрестности

Последовательность описания Воскресенского Соломянского погоста позволяет выделить в тексте несколько фрагментов сообразно их геогра-

фическому размещению. Один из них можно квалифицировать как центральный, размещающийся в низовьях рек *Соломяна («...на реке Соломяне у погоста»), Тулома и Яня, устья которых практически соседствуют друг с другом (рисунок).

Из них первый топоним не сохранился, однако расположение названной им реки без труда реконструируется по привязке к ней церкви-погоста и прилегающего обширного поселения *Пужжвина весь*, включающего более 70 домов. В последующем описании 1568 года фигурирует река *Погоская* (то есть *Погостская*)². В шведское время название переводится на финский и превращается в реку *Kirkkojoki* ‘церковная река’. В транскрибированном на русский язык виде *Кирккойоки* оно доживает до наших дней (таблица). Логично полагать, что именно название реки *Соломяна* – из др.-рус. *солома* ‘пролив, протока’³ – лежит в основе именованного погоста. Известно, что сам термин является ранним заимствованием из прибалтийско-финского источника *salmi*⁴ с тем же значением⁵. При этом не до конца понятно, какой именно пролив имелся в виду. Ло-

Исторические поселения Соломянского погоста.

Реконструкция карты И. И. Муллонен. Рисунок Н. Л. Шибановой

От Соломянского погоста до поселка Салми
From the Solomyansky Pogost to the village of Salmi

ПКВП 1499/1500	Исторические источники XVI–XIX веков	XX век (фин.)	XX век (рус.)
Борисов наволок у Ладожского озера над Лахтою	Borisan Sari 'Борисов Остров' (1650)	Uksalonpää	Уксалонпя
село Пужзвина весь на реке Соломяне у погоста	(деревня) над Погоскою рекой (1568), Kircko Joki (1590), Pogost eller Kyrkio by (1618), Kirko joki (1631), Кирккойёки бю (1871)	Kirkkojoki	Кирккойоки
Яня весь на реке Яне	деревня Анея на устьи реки Анеи от Ладожского озера; в Анее же от погоста по другой стороне реки Анеи (1568), Mijnan Joki (1590, 1618, 1631), Mina Joki (1637), Минола (1805), Мианала (1871)	Miinala	Мийнала
Плундголова на реке на Яне	Kalliosuria (1618), Kalli syriä (1631), Пибро (1805, 1871)	Pebru	Пебру
Ряймола на реке на Яне	Деревня Аневис над рекою над Ряймелою (1568), Reimelä (1590), Raimälä (1618), Raimälä By (1631), Räjimälä by (1637), Раймала (1871)	Raimälä	Ряймьяля
Варбоселка на реке на Яне	Деревня Варбаселья над рекою над Анею над Миниюю (1568), Warpas selke (1590), Warbaselgä (1618), Warba selkä (1631), Варпаселья (1797), Варпаселья (1871)	Varpaselkä	Варпаселья
Тулома на реке Туломе	Деревня Тулома на берегу реки Туломы (1568), Tulema Joki (1590), Tuloma Joki nedre i Äminnet (1618), Tuloma Joki (1631), деревня Тулома (1637), Тулома (1797), Салмис (1871)	Salmi	Поселок Салми
другая Тулома на реке Туломе близко порога Падуна			
деревня Ковера на реке на Туломе близко Падуна	Деревня Коверино над Туломою рекою (1568), Kowera (1618), Ковера (1797), Коверо (1871)	Kovero	Коверо
другая Каргосурья у Ладожского озера	Деревня в Каргусах над Ладожским озером; в Каргасех (1568), Karcos (1590), Karkus By (1631), Karcuss by (1637), Каркку (1871)	Karkku	Карку
Дер. в Вулахте на Салуе ж острове	Улахто (1797), Улахть (1871).	Ulahto	Улахто
Киельская Понги на Салуе острове	Kijala på Kurolax holmen (1727)		
на Полях на Манецком острове	на Полях на Манецком же острове (1568), Peldosa (Mansensari öhn) (1618), Mantzi Pälldo (1637), Пелдойсь (1871)	Peltoinen	Пелтойнен
на Пейбуеве горе	Peibegora (1618), Peibon Mäki (1631), Пейбойсь (1871)	Peiposenkylä	
Орисело на Манецком же острове	Орисело на Манецком же острове (1568), Oriselgä på samma öhn (Mansensari öhn) (1618), Orich selgä (1631), Орихселья (1871)	Oritselkä	Оритселья
в Кузминску в Наволоке	Kuusi Niemi (1631), Kusanawolok på samma öhn (1618), Kuusi Niemi (1637)		
в Янежнеме наволоке	Мьсь Янённиemi (1871)	Jänisniemi	
Ялгалакша Кайбалыский наволок у озера Суярвы	Kaijbanpää By (1618), Kaibahan pä (1631), Kairainen (1637), Кайбайсь (1805), Кайпайсь (1871)	Kaipaa	Кайпа

гичнее всего исходить из того, что это был пролив между побережьем и вытянутым на много километров в длину островом Лункулансаари.

Поселение, которое именуется *селом Пужзвина весь на реке Соломяне у погоста*, являлось по совокупности признаков предком современного населенного пункта Кирккойоки, входящего в состав поселка Салми. Об этом свидетельствует помимо его расположения у погоста использование применительно к нему термина «село», то есть поселение с церковью, а также его размеры – более 70 домов. Это был некий конгломерат или куст отдельных частей, концов, углов со своими названиями. Последние всплывают в следующей известной нам пере-

писи 1568 года как деревни над «*Погоскою рекою*», названия которых оформлены «поселенческим» суффиксом *-la* с локативной семантикой, присоединяющимся к отантропонимной основе. Модель известна всем прибалтийско-финским языкам. При этом генетически это именованья домов и однодворных деревень, которые постепенно разрастались до многодворных, сохраняя исходное название [12]. В документе 1568 года перечисляются деревня *Рахкула*, волости *Киврала*, *Пензула*, *Карала*, *Кетчула* и даже *Пузвила весь*. В них отчетливо просматриваются именные основы: в *Рахкула* – карел. **Rahko(i)la* хорошо известно именованью разных прибалтийско-финских языков личное имя *Rahkoi*; *Киврола* –

**Kiurula* воспроизводит карельский антропоним *Kiuru* ← *kiuru* ‘жаворонок’; в основе топонима Карала – карел. **Karala* можно реконструировать прозвищное именование **Kara* ← *kara*, *karahaine* ‘вспыльчивый, неуживчивый’; *Кетчула* – карел. **Keččula*, из *kečoi* ‘прясло (свинцовое колечко, надеваемое на веретено для тяжести)’⁶, переносно ‘о небольшом ростом и бойком человеке’. В последнем случае отантропонимную интерпретацию подтверждает патроним одного из жителей Фетька Микитина Кетчуева⁷. Для каждого из приведенных имен или прозвищ существует убедительный ряд аналогов в традиционном карельском ономастике и, шире, в прибалтийско-финском мире. Не все топонимы приведенного ряда прозрачны для расшифровки, однако сам принцип (суффикс *-la* присоединялся в традиционной прибалтийско-финской ойконимии к антропониму) не ставит под сомнение их именную природу. Нельзя исключать, что перечисленные топонимы бытовали раньше, но в качестве именовании частей крупного поселения не попали в перепись.

Потамоним *Тулома* продолжает функционировать в современной топонимической системе территории. Исторически к реке Туломе были привязаны три поселения – одно, судя по модели именования, явно в устье реки (*Тулома на реке Туломе*)⁸ – современный поселок Салми, два других «*близко порога Падуна*», под которым скрывается, без сомнения, известный порог *Juka*, состоящий из двух частей – *Pieni Jukankoski* ‘Малый порог Юка’ и *Suuri Jukankoski* ‘Большой порог Юка’ в Салми, на которых стоят электростанции. Одна из деревень именуется *Коверой* («*деревня Ковера на реке на Туломе близко Падуна*»), из карел. *koveru* ‘кривой’ – отсылка к кривому руслу реки, делающему крутой поворот. Название сохранялось вплоть до середины XX века.

Наконец, третья река, отмеченная в ПКВП 1500 года рядом с Туломой и рекой Соломяна, названа *Яня* и соответствует современному *Änäjäjoki / Эняйоки*. На ней на рубеже XV–XVI веков размещались четыре поселения: при устье большое поселение *Яня весь на реке Яне*, далее вверх по реке *Плундоголова на реке на Яне*, *Ряймола на реке на Яне* и *Варбоселка на реке на Яне*. Все они существовали и в XX веке, однако названия первых двух подверглись трансформации. Первая преобразовалась к концу XVI века в деревню *Miinala / Мийнала*, причем река Яня в низовьях стала именоваться сообразно поселению вначале *Mijnan Joki*, букв. ‘река (деревни) Мийна’, а затем *Miinalanjoki / Мийналанйоки* ‘река (деревни) Мийнала’. Ойконим образован по традиционной

прибалтийско-финской модели «антропоним + суффикс *-la*», которая была свойственна однодворным деревням и содержала указание на имя, патроним (в том числе родовой) или прозвище ее основателя. В нашем случае им был некий *Мина* (карел. *Miina*).

Второй из несохранившихся топонимов на реке Яне – *Плундоголова* – именовал в 1500 году, судя по порядку описания, современное поселение *Pebru / Пебру*. Причем эта связь основывается не только на расположении деревни относительно соседних поселений, но и на совокупности других факторов. В основе современного ойконима, который отмечается источниками по крайней мере с начала XX века, лежит родовая патроним *Pebru*, при этом последний зафиксирован уже в документах середины XVII века как именование жителя деревни Каллисюря. В ней проживала одна семья, главой которой числился вначале отец *Oxentiko Wobrov* (1618), *Oxentiko Bebroi* (1631), а затем, видимо, его сын *Онита Бебров* (1637). Это обстоятельство дает основание полагать, что деревня *Каллисюря*⁹ или *Kalli syriä*¹⁰, *Kalliosuria*¹¹ была, собственно, предшественницей поселения Пебру. Ее название восходит к исходному **Kalliosyrjä* ‘скалистая гора’, убедительно подтверждаемому географически: на топографической карте¹² рядом с поселением *Пебру* отмечена гора *Syrjämäki* (оба элемента сложного топонима включают топографический термин, номинирующий возвышенность: *syrjä* ‘возвышенность, гора вытянутой формы’, *mäki* ‘гора’). Название же *Pebru* могло первоначально использоваться как неофициальное, а затем перейти на официальный уровень. Именно такой сценарий смены названия прослежен на материале ойконимов ливвиковского, людиковского и вепсского ареалов [2], [6].

Но как эта история соотносится с *Плундоголовой* рубежа XV–XVI веков? Она строится на косвенных обстоятельствах: кроме отмеченного порядка описания это географическая характеристика места. Деревня *Pebru / Пебру* стояла на крутом порожилом повороте реки Мийналанйоки, и это дает основания видеть за элементом -голова перевод карельского термина *-pää* ‘голова’, маркирующего начало речного порога. Атрибутивная часть сложного по структуре топонима *Плундоголова*, к сожалению, не поддается расшифровке. Патроним же *Pebru*, *Bebroi*, с учетом варианта *Wobrov*, отсылает, видимо, к рус. *бобр*, причем в его раннем виде *бебрь*¹³. Прозвище Бебрия было известно русскому именователю¹⁴. При этом, имея русские истоки, антропоним со-

всем необязательно свидетельствует о русских корнях его носителя. Известно, что в карельской среде бытовали, пусть и не очень широко, русские нехристианские имена и прозвища [5]. Кроме того, лексема была воспринята в карельские говоры и бытовала в виде *bobru* ‘бобер’ как раз в говоре Салми.

Продолжением этого фрагмента реконструируемой средневековой карты на юго-восток были еще две поселенческие структуры, которые так или иначе тяготели к бассейну р. Яни (совр. Эняйоки). Это, во-первых, две деревни с названием *Каргосурья* и *Другая Каргосурья* у Ладожского озера, которые являются предками современного поселения *Карку* / *Karkku*. Исторический вариант *Каргосурья* отсылает к карельскому оригиналу **Karkonsyrjä* или **Karkunsyrjä*, в котором *-syrjä* ‘возвышенность, гора вытянутой формы’¹⁵. Первый элемент *Karkku* (Gen. *Karkun*) – имя / патроним, из карел. (говор Суоярви) *karkku* ‘молодая овца, ярка’. Слово могло использоваться метафорически для номинации пугливого животного и человека, как это происходит в финских говорах¹⁶. Во-вторых, это расположенная на самой границе с Обонежской пятиной деревня *Кондуша*, которая всплывает позднее в описании 1568 года как *деревня в Маньшеле в Кондушах*¹⁷. В XVII веке *Mansila* полностью вытесняет *Кондушу* из документов Кексгольмского лена, поскольку, по условиям Столбовского мирного договора 1617 года, граница разделила Маньшелу и Кондушу. Последняя в виде *Погранкондуши* / *Rajakondu* продолжает жизнь в составе Олонецкого района Республики Карелия. Само название *Кондуши* восходит к карельскому оригиналу *kondu* ‘крестьянский двор, земельный участок, однодворная деревня’ и, видимо, возникло на основе продуктивной в топонимии диминутивной формы *konduine* (словоизменительная основа *konduiže-*) → *Кондуши*. Ойконим же *Мансила* (историческое *Маньшела*) / карел. *Manššila* принадлежит к числу отыменных названий, сохранивших имя поселенца *Manšši* – карельский народный вариант русского православного имени *Мануил* (*Имануил*) [11: 246].

Итак, первый фрагмент объединил материковые деревни, тяготевшие территориально к устьям трех рек, впадающих в ладожский залив Лункуланлахти.

Островные поселения

Второй фрагмент текста образуют островные поселения, расположенные на островах Салуй и Манетский. За ними стоят современные Лункулансаари и Мантсинсаари. Преимущество пары

Салуй – Лункулансаари ‘остров Лункула’ устанавливается благодаря характеристике «*деревня Лунгула на Салуе же острове*»¹⁸. Документ отмечает еще две деревни, бытовавшие к тому времени на острове, из которых «*Дер. в Вулахте на Салуе ж острове*» отмечалась в источниках до конца XIX века в виде *Ulahto* / *Улахть*. Второй же «*Киельская Понги на Салуе острове*», видимо, соответствует дер. *Tiiala* или *Tiijala* / *Tuuala* более поздних описаний, в названии которой произошла характерная мена **ki > ti*. Элемент *Понги* в таком виде не поддается расшифровке. Возможно, за ним скрывается неверно записанное писцами или прочитанное позднее издателями документа *Vonga*, из ливв. *vonga*, *vongu* ‘залив, бухта’¹⁹, что согласуется с расположением поселения. В целом проведенная идентификация записей ПКВП 1500 года позволяет утверждать, что на рубеже XV–XVI веков поселения острова концентрировались в районе бывшего пролива, делившего остров на две части. На исторических картах действительно присутствует такой пролив, на современных же его место отмечено обширной, тянущейся через весь остров топкой низиной *Laisinluhta* (фин., карел. *luhta* ‘заливаемое весной водой место; заливной луг’, фин. *laisi* ‘низкий пологий берег’), название которой адекватно передает характер местности. Собственно, не менее точно особенность места передает и карельский термин *ulahto* (или *uulahto*) ‘низинное место’, зафиксированный в самостоятельном бытовании в ливвиковском сямозерском говоре, а также в составе сложного термина *ulahtolambi* ‘озеро на болоте’ в собственно карельском говоре Суоярви²⁰. Его присутствие в названии поселения *Ulahto* позволяет расширить былой ареал термина и на ливвиковский говор Салми. Заселение этого участка острова может объясняться как его сельскохозяйственными (заливные луга), так и дорожными преимуществами. Освоение привело к вытеснению традиционного названия острова (*Салуй*, из *salu* ‘(большой) остров’) новым, отсылающим к ойкониму *Lungula*. Это универсальный принцип, хорошо известный и другим именованьям островов, ср. в ближайшей округе острова *Тулолансаари* ‘остров [деревни] Тулола’ и *Риеккалансаари* ‘остров [деревни] Риеккала’ в окрестностях г. Сортавалы.

Для *Lungula* предложена этимология, которая возводит топоним к отглагольному имени от глагола *lunkata* ‘хромать’ [11: 240], однако она проблематична, поскольку глагол и его производные являются фактом западных финских говоров, в которые к тому же пришли как шведские

заимствования позднего времени²¹, поэтому вряд ли могли присутствовать в языковом репертуаре средневековых карелов Приладожья. Очевидно, в основе лежит другой фонетически близкий источник, ср., например, в финском юго-восточном говоре *lunka(silmä)* ‘о человеке с прищуренными глазами или смотрящем исподлобья’²².

В отличие от исторических поселений острова Лункулансаари, которые удалось разместить на карте XX века, на острове Мантсинсаари такая процедура оказалась возможной только для трех поселений из шести. Среди них родоначальник главной деревни острова *Peltoinen* (карел. *Peldon'e*) / *Пелтойнен*, который в документе 1500 года характеризуется как *на Полях на Манецком острове*: карел. *peldo* ‘поле’. Особый статус поселения проявляется в использовании применительно к нему варианта *Mantzin saari*²³ и его двойном названии *Манцы Пелдозы*²⁴, отсылающем к названию острова, а также в том, что именно здесь появляется первая на острове часовня. Об этом свидетельствует перепись 1568 года: «*волостка Пелдоши у часовни*»²⁵. Знаково и само название деревни, отсылающее к сельскохозяйственному освоению острова.

На исторической карте Мантсинсаари размещалась деревня «*на Пейбуеве горе*», дожившая до XX века как фин. *Peiposenkylä*, карел. *Peiboin'e*. При этом родовой патроним, породивший название, сохранялся в деревне в виде фамилии *Peiponen* вплоть до Второй мировой войны [14: 50]. Это один из ярких примеров традиционного карельского антропонима, ведущего свою историю со Средневековья. Он пополняет ряд так называемых птичьих фамилий, популярных в традиционном карельском антропонимиконе. Карел. *peiboi*, *peiboin'e* ‘зяблик’ использовалось как метафора для характеристики шустрого, юркого, проворного человека²⁶. До XX века дожил еще один ойконим (то есть наименование поселения) из документа 1500 года: дер. *Oriselö* (в XVII веке *Oriselgä*, *Orich selgä*) – совр. *Oritselkä* / карел. *Orihselgy*. Поселение с таким названием располагалось в центральной части о. Мантсинсаари, на вытянутой по форме возвышенности, маркированной карельским ландшафтным термином *selgä*, *selgy*. Местная традиция связывала истоки топонима с карел. *orih* ‘конь, жеребец’, а мотив номинации с тем, что сельга имеет форму спины лошади²⁷.

Три других ойконима из ПКВП 1500 года не удастся локализовать, хотя два из них еще упоминаются в документах первой половины XVII века: *на речном конце* и *в Кузминску в Наво-*

локе – последний в виде *Кузнаволок*, *Kuusi Niemi* ‘еловый берег’, но далее их след теряется. Лакуна в документах XVIII века, особенно картографических, не позволяет проследить их связь с поселениями XIX века.

Поселения при заливе Уксунлахти

Третий хорошо выделяющийся фрагмент – это поселения «у Ладожского озера над Лахтою»: *Борисов Наволок* (житель Захарко Борисов!), а также две деревни и починок в *Лойги Тайбале*. Все они обложены общим налогом, что указывает на их географическую близость. К ним примыкают четыре деревни в низовьях реки Уксы. Направление поиска локализации поселений этого фрагмента задают два топонима – *Укса* и *Тайбола*. С первым все ясно, особенно с учетом того, что деревни на Уксе характеризуются как расположенные на пороге – имеется в виду, конечно, порог, на котором значительно позднее, в конце XIX века, возникает лесопилка, а затем и электростанция. Второй – *Тайбола* – именуется, видимо, одно из самых примечательных мест в здешней местности – узкий перешеек между берегом и длинным полуостровом *Uksalo* / Уксало. Нынешний облик топонима обусловлен закономерной фонетической редукцией на границе двух элементов сложного топонима **Uksasalo* > **Ukssalo* > **Uksalo*, в котором концовка *-salo* ‘большой (лесистый) остров’ (см. выше), *Uksa-* ‘Укса’, то есть ‘Уксинский остров’. Топографически он действительно значительно больше соответствует острову, чем мысу. За *Тайболой* стоит ск., ливв. *taibal*, *taibaleh*, ‘путь, расстояние; переход (напр., из деревни в другую по глухой местности); перешеек между двумя водоемами; дорога посуху между двумя водоемами’²⁸. В карельской топонимии основа характерна для водораздельных волоковых мест, каковым был, безусловно, узкий перешеек. Подтверждение предоставляет карта «Донационные земли Выборга 1873 года», где перешеек именуется *Weneenveto*²⁹ ‘волок’, то есть место, где перетаскивают лодки из залива Уксунлахти в открытое Ладожское озеро. Кроме того, здесь же располагалась еще в довоенное время деревенька *Regirandu* ‘санный берег’ – знак того, что этот путь использовался и зимой, например, для поездок на Валаам. Вполне вероятно, что деревня является потомком одного из трех поселений местности «в *Лойги Тайбале*» рубежа XV–XVI веков. Первый элемент в историческом топониме *Лойги Тайбола* отсылает к карел. *louhi* ‘большой камень; каменное место’. Историческим же ойконимом *Борисов Наволок* именовалась, видимо, деревня, получившая позднее название *Uksalonpää* ‘конец [острова] Уксало’. Его удалось локализовать бла-

годаря записи *Borisan Sari* 'Борисов Остров', которой отмечен современный мыс Уксало на карте 1650 года³⁰.

Наконец, последний фрагмент налогового описания 1500 года связан с территорией, расположенной на далекой окраине погоста, у истоков реки Шуи из оз. Суоярви. Описание 1568 года удачно характеризует находящиеся там деревни как расположенные «на Северике». Из трех отмеченных поселений удается локализовать только одно: *Ялгалакша Кайбальский наволок у озера Суярвы*³¹, сохранившееся до сегодняшнего дня как район г. Суоярви *Кайнаа*. Несмотря на преобразования, в нем узнается традиционный дохристианский карельский антропоним *Каираа*- [12: 126] с семантикой 'долгожданный, ожидаемый (ребенок)'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Удалось идентифицировать большинство топонимов Соломянского погоста пятисотлетней давности. Обзор ойконимии показал, что опорные ее элементы сохранились до XX века, несмотря на все перипетии истории, и донесли следы карельского языка (хотя и через призму русской адаптации) середины II тыс. н. э. Он доказывает, например, что термин *salu* 'лесная глушь, большой глухой лес' был известен и в значении 'остров', даже, видимо, 'большой остров', что подтверждается двумя именованиями островов – *Салуи* и *Уксало*. Соответствующая «островная» семантика зафиксирована у термина в восточно-финском диалекте Саво, а также в некоторых саамских языках. В свою очередь, лексема *surjä* 'край, бок, сторона' имела и топографическую семантику 'гора, возвышенность, вытянутая по форме', подтверждаемую и другими примерами из ПКВП по территории Корельского уезда. В Салми был известен термин *ulahto* 'низина', утраченный уже местным ливвиковским говором.

Проведенное картографирование установило основные места поселений, которые однозначно тяготели к устьям рек Туломы, Кирконйоки, Эняйоки и Уксы. Топонимы позволяют выявить предпочтительные для поселений прибрежные ландшафты: в притяжении речных порогов (*близко порога Падуна, на реке Уксе у порога, Плундоголова на реке Яне*), на островах (*на Салуе острове, на Манецком острове*), на озерных мысах (*на наволоке*) и заливах (*на*

Лакме). Прибрежным ландшафтам значительно уступают материковые. Здесь в приоритете возвышенности, обозначаемые терминами *selgä* 'сельга' (*Варбоселка, Орисело*) и *surjä* 'вытянутая по форме гора' (*Каргосурья, Каллисюря*), маркирующие места, пригодные для подсечного земледелия. Популярный в последующие века в Приладожье термин *vaara* 'высокая (лесистая) гора', пришедший, видимо, с переселенцами из более западных областей еще не достиг к началу XVI века северо-восточного побережья Ладожского озера. Нет реальных следов и родового термина *-mägi* 'гора', который приобрел популярность в ойконимии только в XIX веке в связи с Генеральным межеванием.

Присутствие человека маркировано слабо, всего несколькими названиями, что особенно заметно на фоне более поздних описаний, в которых отантропонимные названия превалируют. Причина кроется в том, что в Соломянском погосте чрезвычайно скудно представлена так называемая *-l*-овая ойконимная модель, которая как раз основана на антропонимах. Здесь всего четыре ойконима против почти 40 в соседнем Сердвольском погосте: *Киельская (Понги) < *Kijjala, Лунгула < Lungola, Ряймола < Raimälä* и далекий *Кайбольский наволок на оз. Суоярви < *Kaibola* при современном *Каираа*. Причина кроется в слабой продуктивности модели на восточной окраине Северного Приладожья, а также в особенностях фиксации поселений и, соответственно, их названий здесь.

Из четырех *-l*-овых ойконимов из ПКВП 1500 года три группируются в центральной части погоста: *Лунгула* – карел. *Lungula, Ряймола* – карел. *Raimälä* и **Киела (< Киельская Порги)* – карел. *Tijjala*. Такая маркировка ядерных поселений характерна для этой модели и в двух других погостах Северного Приладожья – Кирьяжском и Сердвольском [7], [9]. Она помечает места первоначального заселения. При этом, как и в других погостах, среди основ господствуют нехристианские антропонимы. Очевидно, ко времени рождения ойконимов – а это совсем необязательно время их первой документальной фиксации – православный именовослов еще не вышел на первые роли.

В статье впервые предложена или уточнена этимологическая расшифровка ряда ойконимов (*Pebru / Пебру, Karkku / Карку, Lungula / Лунгула, Uksalo / Уксало*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года. Временник Московского общества истории и древностей Российских. Книга 12. М., 1852.

- ² Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 52–178.
- ³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М.: Наука, 2002. С. 135.
- ⁴ Здесь и далее карельские лексемы и их семантика приводятся по словарю Karjalan kielen sanakirja. О. 1–6 / Toim. P. Virtaranta, R. Koronen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; XVI) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kaino.kotus.fi/kks/> (дата обращения 15.11.2025). При обращении к другому источнику карельской лексики он указывается отдельно.
- ⁵ Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 753.
- ⁶ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 131.
- ⁷ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. ... С. 172.
- ⁸ Ср. образованные таким же образом названия приустьевых поселений «Яня весь на реке Яне», «на Уксе в Уских» в Соломянском погосте (см. ниже), «Гелюля на реке Гелюле», «Сумера на речке Сумере», «Янолушка на устье реки Янолушки» в Сердовольском погосте.
- ⁹ Поземельная книга северного лена Какисалми 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. II. Йоэнсуу, 1991. С. 725.
- ¹⁰ Kexholms läns Jordebok 1631. Kexholms Närre Lähn // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 544.
- ¹¹ Käkisalmen läänin maakirja 1618 // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 384.
- ¹² Karjalan kartat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.karjalankartat.fi> (дата обращения 15.11.2025).
- ¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vasmer.slovaronline.com> (дата обращения 15.11.2025).
- ¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975. С. 84.
- ¹⁵ Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020. С. 208.
- ¹⁶ Suomen murteiden sanakirja. Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisu 30. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/sms> (дата обращения 15.11.2025).
- ¹⁷ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. ... С. 176.
- ¹⁸ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года... С. 184.
- ¹⁹ Кузьмин Д. В. Словарь... С. 241.
- ²⁰ Кузьмин Д. В. Словарь... С. 227.
- ²¹ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / Päätöim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Osat 1–3. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1992–2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kaino.kotus.fi/ses> (дата обращения 15.11.2025).
- ²² Suomen murteiden sanakirja... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/sms/> (дата обращения 15.11.2025).
- ²³ Kexholms läns Jordebok 1631... S. 542.
- ²⁴ Поземельная книга северного лена Какисалми 1637 г. ... С. 721.
- ²⁵ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. ... С. 173.
- ²⁶ Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki: Otava, 2000.
- ²⁷ Suomen nimiarkisto / Топонимический архив Финляндии, находится в Центре национальных языков / Kotimaisten kielten keskus (Хельсинки, Финляндия).
- ²⁸ Кузьмин Д. В. Словарь... С. 215.
- ²⁹ Донационные земли Выбора 1873 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_vyborg_1873-donacionnye (дата обращения 15.11.2025).
- ³⁰ Северное Приладожье от Кексгольма до Салми. 1650 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aroundspb.ru/karty/317/1650_Kexholm_Salmi.html (дата обращения 15.11.2025).
- ³¹ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 1568 г. ... С. 186.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962. 292 с.
- Захарова Е. В., Жуков А. Ю. «Родословная» ойконимов Ведлозерья // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3 (50). С. 426–435. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-426-435
- Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 41–106.
- Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII века. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 492 с.
- Кузьмин Д. В. Русские некалендарные имена в названиях поселений, топонимии и документах Карелии // Сучасныя праблемы анамастыкі. Вып. 1. Мінск: Беларускавая навука, 2022. С. 148–153.

6. Муллонен И. И. Ойконимическая система южной Карелии в развитии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 567–577. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577
7. Муллонен И. И. Историческая ойконимия Сортавалы как свидетельство формирования поселенческой структуры // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025. Т. 19, № 3. С. 357–366. DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-6-13
8. Новак И. П. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 502 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/Novak_Landshaft_2.pdf (дата обращения 15.11.2025).
9. Петрова М. И. Реконструкция водно-волоковых путей Кирьяжского погоста по новгородским берестным грамотам и писцовым книгам XV–XVI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2021. Вып. 34. С. 165–171.
10. Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 491 с.
11. Kerpä S. Viipurin läänin kylännimet. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2024. 480 s.
12. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1975. 382 s.
13. Omal muual – vierahal muual: Suojärven historia. IV. Toim. Tapio Hämynen. Nurmes: Suojärven pitäjäseura, 2011. 414 s.
14. Patronen O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. 519 s.

Поступила в редакцию 09.12.2025; принята к публикации 27.02.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Irma I. Mullonen, Dr. Sc. (Philology), Professor, RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation) *ORCID 0000-0002-5279-4880; irma.mulonen@mail.ru*
Angelina A. Kondratyuk, Laboratory Assistant, Interdisciplinary Scientific and Educational Center NORDICA, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation) *angelinapug23@gmail.com*

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTING A TOPONYMIC MAP OF THE SOLOMYANSKY POGOST IN THE XV CENTURY

Abstract. This article analyzes the oikonyms of the Solomyansky Pogost, one of the pogosts (parishes) comprising the Korela Uyezd of the Vodskaya Pyatina, with the aim of locating the corresponding fifteenth-century settlements on a historical map of the area. Toponyms are drawn from historical documents and maps spanning the XV to the XX centuries, as well as those collected during field expeditions and stored in toponymic archives in Finland and Karelia. The study relies on historical geographic methods (retrospective analysis of sources from various periods and consistent mapping of the toponyms identified in them), as well as on the content of settlement names themselves, which often contain references to distinctive characteristics of the place that facilitate precise location. The analysis also addressed toponymic issues: a number of toponyms were etymologized for the first time, while previous etymologies of others were revised. The study demonstrated the significant stability of both the settlement sites themselves and their names over the centuries. It confirmed earlier conclusion regarding the areal distribution of oikonym patterns and the association of names with the -la formant with the central, core settlements of the pogost. A number of traditional Karelian anthroponyms were reconstructed, along with lexemes included in the onomasticon and lexicon of the XV century. The study also demonstrated the specific features of transferring Karelian toponyms into Russian usage. These findings are relevant in the context of the ethnocultural history and linguistic heritage of the Karelian Ladoga region.

Keywords: oikonym, anthroponym, toponymic model, Karelians, Karelian language, written sources, Northern Ladoga region

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project No 125032004283-0 “Spiritual Traditions of the Peoples of Karelia: Texts and Contexts” assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Citation: Mullonen, I. I., Kondratyuk, A. A. Experience of reconstructing a toponymic map of the Solomyansky Pogost in the XV century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):110–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1326

REFERENCES

1. Vitov, M. V. Historical and geographical essays on Zaonezhye in the XVI and XVII centuries. From the history of rural settlements. Moscow, 1962. 292 p. (In Russ.)

2. Zakharova, E. V., Zhukov, A. Yu. “Pedigree” of the oikonyms of Vedlozero area. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(3):426–435. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-426-435 (In Russ.)
3. Zhukov, A. Yu. Syamozero area in the XVI–XVII centuries. History and culture of Syamozero area. Petrozavodsk, 2008. P. 41–106. (In Russ.)
4. Zhukov, A. Yu. Self-government in Russian politics: Karelia between the XII and the early XVII centuries. Petrozavodsk, 2013. 492 p. (In Russ.)
5. Kuzmin, D. V. Russian non-calendar names in the names of settlements, toponymy, and documents of Karelia. *Modern problems of onomastics*. Issue 1. Minsk, 2022. P. 148–153. (In Russ.)
6. Mullonen, I. I. Oikonymic system of South Karelia in its development. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(4):567–577. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577 (In Russ.)
7. Mullonen, I. I. Historical oikonymy of Sortavala as evidence of the formation of the medieval settlement structure. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2025;19(3):357–366. DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-6-13 (In Russ.)
8. Novak, I. P. Karelian linguistic landscape in the dialectometric paradigm. Petrozavodsk, 2025. 502 p. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/Novak_Landshaft_2.pdf (accessed 15.11.2025). (In Russ.)
9. Petrova, M. I. Reconstruction of water routes and cart tracks of the Kiryazh Pogost according to Novgorod birch bark letters and scribes’ books of the XV and XVI centuries. *Novgorod and Novgorod land. History and archaeology*. Veliky Novgorod, 2021. Issue 34. P. 165–171. (In Russ.)
10. Selin, A. Historical geography of the Novgorod region in the XVI–XVII centuries. Novgorod and Ladoga uyezds of the Vodskaya Pyatina. St. Petersburg, 2003. 491 p. (In Russ.)
11. Kepsu, S. Viipurin läänin kylännimet. Helsinki, 2024. 480 s.
12. Nissilä, V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. 382 s.
13. Omal mual – vierahal mual: Suojärven historia. IV. Toim. Tapio Hämynen. Nurmes, 2011. 414 s.
14. Patronen, O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki, 2017. 519 s.

Received: 9 December 2025; accepted: 27 February 2026; published: 29 May 2026